

Цуй Се чувствовал себя неловко и велел Пэн Яню расплатиться полностью, но хозяин постоянного двора наотрез отказался брать деньги. Он лично подошел к его кровати и сказал:

— Раньше по недосмотру нашей заезжей лавки мы впустили главу Учения Белого Лотоса, а ведь это смертельное преступление! Если бы молодой господин не помог схватить еретика и не пострадал из-за этого, пожелав остаться у нас, разве тот цянху так легко отпустил бы нас? Если бы сегодня патриарх Сюй сбежал, то мало того, что постоянный двор пришлось бы закрыть, так еще и всем нам сдернули бы шкуру в тюрьме Северной Чжэньфусы. Молодой господин — наш благодетель! Живите здесь спокойно и больше ни в коем случае не заикайтесь об оплате.

Этот постоянный двор располагался на важном тракте между столицей и Северным каналом, и дела здесь шли весьма успешно — за хозяином явно стоял кто-то из чиновников. И пока не выяснится, что они и вправду сговорились с Учением Белого Лотоса, Цзиньивэй едва ли стали бы хватать кого попало без разбора.

Но раз уж хозяин горел желанием позаботиться о нем, Цуй Се принял эту доброту и спокойно остался здесь.

Цуй Юань с сыном перенесли его багаж в комнату, сменили постельное белье и подушки на свои собственные, а у хозяина одолжили ширму, чтобы отгородить кровать. Утром и вечером, когда открывали окна, Пэн Янь зажигал на подоконнике изготовленную дома шаровидную свечу с ароматом цветков миндаля, и легкий ветерок разносил нежный сладостный запах по всей комнате.

Цуй Се был весь покрыт ранами, его ноздри непрерывно забивал запах снадобий и крови, поэтому, вдохнув этот свежий и сладкий аромат, он мигом ощутил прилив сил, да и боль в ранах как будто немного утихла.

Еще до ужина из столицы прибыл известный лекарь, которого пригласил цянху Се.

Этот врачеватель Лю раньше служил в императорской аптеке, а подав в отставку, открыл в столице аптеку, где вел прием вместе со своими сыновьями. Лучше всего ему давалось лечение ушибов, переломов и ран. Войдя в комнату, он первым делом осмотрел раны Цуй Се, проверил пульс и быстро выписал два рецепта: один для приема внутрь, другой для наружного применения. Затем он сам достал из сундучка травяные снадобья, отмерил нужные пропорции и передал Пэн Яню для отвара.

Скомпоновав лекарства, врачеватель Лю достал изящный пузырек из белого фарфора, передал его Цуй Се и, поглаживая бороду, произнес:

— А это цянху Се велел мне передать тебе — целебная мазь, которой пользуются сами Цзиньивэй. Позже сотри порошок со своих ран и нанеси это снадобье, а впредь меняй повязку каждый день утром и вечером. Когда раны затянутся коркой, прикладывай утром и вечером мое наружное лекарство — и никаких шрамов не останется.

Цуй Се поблагодарил его и велел Цуй Юаню заплатить за лечение. Однако императорский лекарь Лю ответил, что цянху Се уже за все расплатился, и категорически отказался брать деньги. Тогда они сняли для него лучшую комнату по соседству, заказали туда роскошный обед с кувшином хорошего вина, а также устроили приехавшего с ним кучера, чтобы те переночевали здесь и лишь на следующий день вернулись в столицу.

Когда императорский лекарь Лю ушел к себе, Цуй Се посоветовался с Цуй Юанем:

— Цяньху Се сначала спас меня, потом пригласил лекаря, прислал мазь от ран, да еще и замолвил за меня слово перед отцом. Нам обязательно нужно выказать ему благодарность. Раз уж императорский лекарь Лю с ним знаком, давайте приготовим подарки и попросим его передать их.

Цуй Юань с затруднением ответил:

— Молодой господин, за столько лет в усадьбе вы накопили всего лишь около тридцати лянов карманных денег. Хотя у вас есть кое-какие курильницы, безделушки и нефритовые подвески, все они дешевые — и десятка лянов не стоят. Нам бы на ремонт дома по возвращении в родные края денег хватило! Как же мы сможем приготовить подарок, который пришелся бы по душе цяньху из Цзиньивэй?

Без паники! Денег у нас нет, зато есть технологии. Погоди-ка, надо перевернуть страницу в учебнике химии.

Цуй Юань поменял ему повязку с мазью и ушел в соседнюю комнату составить компанию императорскому лекарю Лю за вином. Цуй Се же накрылся с головой стеганым одеялом и, лежа в постели, молча принялся листать книгу в своем сознании.

Он помнил, что император Сянь-цзун страсть как любил принимать пилюли бессмертия и даже наплодил кучу чиновников особого назначения, позволив монахам и даосам, жившим в дворцовых покоях, официально войти в правительство. Поэтому Цуй Се сначала подумывал переписать какой-нибудь рецепт снадобья для цяньху Се, чтобы тот выплавил золотую пилюлю и поднес ее императору. Но когда он открыл главу про алхимию и увидел бесконечные свинец, ртуть, халькантит, купорос... то просто не отважился взять это за основу: а ну как у императора от такого снадобья здоровье пошатнется, и это только навредит цяньху Се?

Полистав дальше, он нашел фарфор, эмаль, красители, бытовую косметику — вещи, конечно, безопасные, но цяньху Се — военный, ему это вряд ли будет интересно.

Если уж дарить что-то мужчине, лучше всего подойдет алкоголь.

В голове Цуй Се внезапно блеснула догадка, и он сразу же открыл главу о виноделии, перейдя к технологиям и рецептам эпохи Цин и более поздним. Порывшись в записях, он выбрал рецепт крепкого алкоголя на закваске дацью с густым ароматом, который лучше всего подходил для северного производства.

Этот напиток гнали из гаоляна, а закваску дацью делали из смеси ячменя и пшеницы — все это сырье легко достать на севере, а себестоимость выходит более чем вдвое ниже, чем у рисовой водки, пришедшей в Китай при династии Юань. Сам же напиток получается прозрачным, крепким и невероятно ароматным — хоть сам пей, хоть дари. В книге к тому же имелся рисунок перегонного куба, восстановленный современными микробиологами; он наверняка был совершеннее того, чем пользовались в годы Чэнхуа, так что Цуй Се решил срисовать и его.

Приняв решение, он дождался, пока Пэн Янь принесет отвар, и спросил, сможет ли тот записать под его диктовку рецепт алкогольного напитка.

Пэн Янь удивленно воскликнул:

— Молодой господин, вы знаете рецепт изготовления вина? Но у нас в доме отродясь его не гнали!

Цуй Се ответил:

— Я случайно вычитал его в записях одного юаньского книжника, рецепт должен быть рабочим. Иди принеси бумагу и кисть. Если не справишься, подождем, пока твой отец вернется, и он запишет.

Пэн Янь похлопал себя по груди:

— Молодой господин, не извольте беспокоиться! Я столько лет слушал ваши уроки — пусть сочинения мне не по плечу, но уж начертать несколько иероглифов труда не составит!

Он тут же придвинул стул к изголовью кровати, расстелил лист бумаги для рукописей, расчерченный красными вертикальными столбцами, растер тушь, обмакнул кисть и, опустившись на колени перед стулом, приготовился писать.

Цуй Се, подтягивая травмированную ногу, подполз ближе к изголовью и, следя за кончиком кисти Пэн Яня, пил отвар и цитировал текст, время от времени добавляя строчку-другую пояснений.

Пэн Янь писал очень красивым почерком и строго соблюдал разметку: основной текст выводил крупными иероглифами от верхнего края, а комментарии — мелкими, размещая их в две строчки внутри одной клетки, и даже проставлял маленькие кружочки для пунктуации, точь-в-точь как в старинных изданиях Четверокнижия и Пятикнижия. Этот рецепт был недолгим: вместе с пояснениями к процессу он как раз занял ровно один лист.

Когда Пэн Янь отложил кисть, Цуй Се вдруг показалось, что исписанный лист начал разрастаться у него перед глазами, а затем сжался в стандартный PDF-файл, вытолкнув паривший до этого перед взором учебник химии. Внешний жесткий диск сам собой подплыл к нему, открывая интерфейс хранилища, и PDF-файл, уменьшившись до размера иконки, сохранился прямо на диске.

Святые угодники... Да этот жесткий диск просто духом-оборотнем стал!

Цуй Се в шоке уставился на жесткий диск, однако Пэн Янь подумал, что тот разглядывает списанный рецепт. Дождавшись, пока тушь подсохнет, слуга обеими руками поднес лист хозяину:

— Молодой господин, извольте взглянуть, нет ли ошибок?

— ...Нет, — Цуй Се в мыслях открыл файл и сравнил его с бумагой в руках: совпадение было абсолютным, до последнего иероглифа, даже крошечные волокна на бумаге располагались точь-в-точь на тех же местах!

Да это же настоящая читерская штукавина!

Мама больше может не волноваться, что я завалю экзамены!

И больше не надо переживать, что мой почерк не совпадет с почерком прежнего владельца тела!

В конце концов, он пару лет учился каллиграфии у профессионального преподавателя. И хотя сравняться с древними учеными он не мог, но если срисовывать почерк прежнего хозяина тела по образцу, у него выйдет воспроизвести его процентов на семьдесят-восемьдесят. К тому же

сейчас он избит и ранен, так что любые неточности легко списать на слабость в руках. А в будущем останется прописными упражнениями сменить манеру письма на стиль какого-нибудь каллиграфа, и никто даже не заподозрит неладное!

От радости ему хотелось расцеловать этот жесткий диск, но при Пэн Яне он не смел слишком открыто выражать чувства. Поэтому он лишь опустил голову, делая вид, что внимательно перепроверяет рецепт, и с поджатыми губами произнес:

— Поди найди мне уголек или карандаш для бровей, мне нужно еще нарисовать чертеж перегонного куба.

Пэн Янь обеспокоенно спросил:

— А как же ваши раны?..

Цуй Се отмахнулся:

— Ступай скорее, мне ведь только что нанесли прекрасную мазь. Боль почти не чувствуется.

Едва Пэн Янь вышел, Цуй Се уткнулся лицом в одеяло и долго тихо хихикал, кусая палец. Не будь у него ран, он бы непременно от радости искувыркался по всей кровати.

Кто бы мог подумать! Учебник химии оказался незаменимым помощником в жизни, а этот жесткий диск — колоссальным чите́рским даром!

Его соседи по комнате были просто всезнающими экспертами по попаданчеству: все, что они называли полезным, действительно пригоди́лось! Дары Второго и Третьего он уже применил, так что к совету Старшего тоже надо прислушаться — прилежно упражняться в каллиграфии и живописи, в будущем это наверняка пригодится!

Он еще долго возился под одеялом и только тогда, когда Пэн Янь толкнул дверь и вошел, с трудом сохранил серьезный вид. Со сдержанным лицом взяв уголек, Цуй Се нарисовал на светло-желтой бамбуковой бумаге схему дистилляции и велел Пэн Яню подписать названия частей и их назначение рядом.

Вечером вернулся Цуй Юань. Взглянув на рецепт и чертеж перегонного аппарата, он удивился не меньше своего сына и спросил:

— Молодой господин, где вы достали столь подробный рецепт? Пусть старый слуга сам не гнал вина, но, судя по описанию с девятикратной перегонкой и просушкой, напиток получился бы поистине божественным нектаром! Иной за этот рецепт отдал бы не меньше тысячи лянов серебра!

Еще бы! Эта технология относится к поздней эпохе Цин — она опережает свое время на двести-триста лет!